

pena
rum
hecho
revolucionario

Буэнос-Айрес: сладкая жизнь на фоне вечного кризиса

Текст и фотографии: Карина Абдусаламова

Буэнос-Айрес или любишь, или ненавидишь, равно как и самих «портенос» (*portneño* — «житель порта», так в Аргентине называют резидентов столицы) — чванливых, упрямых, шумных, ура-патриотичных гордецов, незнакомых с понятием «скромность». Хорошую байку об аргентинском национальном характере рассказал знакомый поэт: в XIX веке крупный чиновник, размышляя над тем, как улучшить жизнь в стране, нашел оригинальное решение проблемы. Он послал подчиненного в Германию, чтобы тот привез в Аргентину немцев, с их дисциплиной и образованностью. Чиновник полагал, что в результате их скрещивания с местным населением удастся вывести новую породу организованных аргентинцев. План провалился: немцев уговорить не удалось, и, чтобы не возвращаться с пустыми руками, посланник привез чиновнику итальянцев. Не берусь судить, насколько байка правдива, но влияние итальянской культуры в стране так велико, что увидеть, где кончается наносное итальянское и начинается аутентичное аргентинское, едва ли возможно.

Как они едят и что пьют

Кого ни спроси, у каждого портеноса есть как минимум итальянская бабушка, которая готовит такие рррравииоли — пальчики оближешь. Итальянское бросается в глаза и в общепите: кажется, портеносы не едят ничего кроме пиццы (которую называют «пикса»), пасты и мороженого. Такая идеальная диета шестиклассника, которая за пару недель способна лишить вас человеческого облика. Есть еще эмпанады и стейки — но это уже из раздела сугубо арген-

тинского. Мясо здесь не просто незаменимая часть гастрономической культуры и предмет национальной гордости, мясо — это помешательство. Одержимость мясом накладывает отпечаток на быт аргентинцев: так, знакомая из Кордобы позвала меня на барбекю, а когда я сказала ей, что не ем мясо, она рассмеялась и ответила, что «барбекю» они называют любую встречу друзей, даже прогулку в парке. Впрочем, чего еще ожидать от страны, где говядина стоит дешевле помидоров.

Ужинают аргентинцы в районе 10 вечера, а в клубы здесь принято выбираться не раньше 3 часов утра, коротая время на дружеских *previas* — домашних вечеринках, которые проводятся по принципу «принеси то, что будешь пить». Сами аргентинцы этот вопрос в большинстве случаев решают в пользу фернета — итальянского травяного ликера, который они традиционно смешивают с колой. Первый опыт с фернетом — это всегда боль: кажется, что тебе подсунули подслащенную газировкой настойку эхинацеи пурпурной для укрепления иммунитета, сейчас из соседней комнаты выйдет бабушка и, покачивая головой, произнесет: «Выпивать ты выпивай, а о здоровье не забывай». Однако после нескольких алкогольных сеансов фернет органично входит в вашу новую аргентинскую реальность, равно как и мате, один из символов страны. Мате пьют все, в любую погоду и всегда в компании. Напиток является лучшей аллегорией пресловутого южноамериканского коллективизма. Мате, как и фернет, редко кому-то нравится с первого раза, но ритуалы с многочасовыми посиделками в парке в кругу малознакомых людей, передающих калекбас по кругу, оказы-

вают гипнотический эффект, и довольно скоро вы обнаруживаете себя прочно завербованным в травяную секту.

Есть в аргентинской гастрономической вселенной и такие образчики, полюбить которые можно только обладая силой духа. Как ни странно, сейчас я говорю о сгущенке, или *dulce de leche*. В самой сгущенке ничего зловещего нет: она светло-коричневого цвета, чрезвычайно сладкая и вкусно пахнет. Беда заключается в том, что в Аргентине ее пихают во все, что принято считать десертом, да в таких количествах, что от одной мысли о приеме этой лошадиной дозы сахара начинаешь аллергически чесаться.

То, что в своих вкусовых предпочтениях аргентинцы впадают в крайности, выдает в них неизлечимых гедонистов, для которых все средства оказываются хороши, когда речь идет об удовольствиях. Страна находится в состоянии затяжного кризиса с 2001 года: на тот момент государственный долг составлял 132 млрд долларов, что явилось новым мировым рекордом, а дефолт стал крупнейшим в истории. В 2014 году, когда правительство президента Киршнер так и не смогло выполнить долговые обязательства, тема дефолта снова вползла в ежедневную жизнь аргентинцев. Однако, кажется, никоим образом на ней не отразилась: ограничение на покупку долларов (не более 1000 долларов в год) не мешает аргентинцам оставаться одной из самых путешествующих наций в мире. Здесь существует черный рынок с «синим долларом», курс которого в полтора раза превышает официальный. Путешественнику на заметку: не меняйте деньги в официальных обменниках и не снимайте их в банкомате — вы рискуете потерять на разнице валют примерно половину.

Ограничение на покупку долларов (не более 1000 долларов в год) не мешает аргентинцам оставаться одной из самых путешествующих наций в мире. Здесь существует черный рынок с «синим долларом»

Аргентинцы гордятся умением приспособливаться к любым условиям так, чтобы не выживать, но жить. Никакой кризис не заставит представителя среднего класса отказаться от таких удо-

вольствий, как уборщица, кабельное телевидение и занятия теннисом с личным тренером. Откуда почерпнуты подобные представления о благополучии — из пресловутых мыльных опер или рассказов родственников из далеких итальянских провинций — судить сложно, но в шарме умилительной старомодности им не откажешь.

Буэнос-Айрес толстосумов

Некоторые фешенебельные районы города блеском своих стеклянных новостроек, устремленных в небо, утверждают примат роскоши над здравым смыслом. Баррио (квартал) *Пуэрто-Мадеро* (*Puerto Madero*) — один из таких: модернистский мост, подобно струне, натянут через коричневые воды реки Ла-Плата. По другую сторону протянулись ряды сверкающих небоскребов разнообразных форм, в которых ничто не выдает присутствия человеческого.

Реколета (*Recoleta*) — еще один пример того, что аргентинцы понимают под «роскошью». Один из старейших районов манит туристов изощренностью лепнины на архитектурных фасадах и байками о жизни благороднейших сынов Аргентины, похороненных на здешнем кладбище.

Самый большой квартал Буэнос-Айреса и один из самых интересных — *Палермо* (*Palermo*) — является наглядным примером, позволяющим

понять, насколько быстро развивается город. Еще 10 лет назад этот район навещали разве что любители скачек и уединения. Сегодня Палермо полон яппи, дам с картонными пакетами из бутиков и прогрессивной молодежи. Географически Палермо поделен на несколько частей, которые отличаются друг от друга и идеологически. **Палермо-Нуэво** (*Palermo Nuevo*) знаменит благоухающими парками **Боскес-де-Палермо** (*Bosques de Palermo*), протянувшимися параллельно широкому проспекту **Либертадор** (*Avenida del Libertador*). Летними вечерами потные портеньос с подтянутыми задницами в танце отрабатывают съеденные в обед спагетти. Среди пальм верещащими стаями пролетают зеленые попугаи, а под сенью деревьев чаевничают парочки. Здесь же располагается парк **Роседаль** (*El Rosedal de Palermo*) с подвесными мостиками, сконструированными архитектором Версаля, сворами наглых гусей и бесконечными цветниками из роз. В **планетарии «Галилео»** (*El Planetario Galileo Galilei*)

Крайняя озабоченность своим психическим здоровьем у жителей Буэнос-Айреса стала причиной появления целого квартала, отданного под офисы психоаналитиков

раз в месяц проходят «вечеринки полной луны» (*Tambores de Luna Llena*), которые собирают самую различную публику: от глотателей огня, любителей лизергина и барабанов бонго до семейных пар с детьми и пожилых туристов.

Интересно, что значительную часть свободного времени портеньос посвящают визитам к психоаналитикам: среди моих местных знакомых личного психолога нет только у одного, и то потому лишь, что кушетке он предпочитает ежемесячные шаманские ритуалы с аягуаской. Крайняя озабоченность своим психическим здоровьем

у жителей Буэнос-Айреса стала причиной появления целого квартала, отданного под офисы психоаналитиков. Это чудо находится в Палермо и носит название *Виша-Фрейд* (*Villa Freud*).

«Милонгами» называют бары, в которых проходят танго-шоу: в Аргентине танго не только танцуют, но и поют

Старый Палермо (*Palermo Viejo*) и *Палермо-Сохо*, (*Palermo Soho*) — главные «центры потребления»: здесь сосредоточены дизайнерские лавки с одинаковой одеждой, обувью на платформе и чехлами с ушками для айфонов. В 90-х в процессе джентрификации некоторые медиахолдинги и кинокомпании также переехали в Палермо. Эта часть района теперь носит название *Палермо-Голливуд* (*Palermo Hollywood*): здесь часто проходят съемки рекламы и фильмов про сладкую аргентинскую жизнь.

Богемный Буэнос-Айрес

Сан-Тельмо (*San Telmo*) — старейший квартал столицы, мир пожилых владельцев крохотных сувенирных лавок, в которых уютно скрипит паркет, лепщиков эмпанад с артистичным прямым пробором в волосах, ленивых газетчиков и мальчишек, что за пару песо начистят проходимую обувь до блеска, — будто попал на съемки фильма Бертолуччи про Италию 20-х годов. В дождливый день большинство мужчин, одетых в плащи, выглядят как Хамфри Богарт из «Касабланки». В Буэнос-Айресе и в самих портенос есть эта изысканная старомодность, которая как запах старых книг, как черно-белые фильмы, как музыка из виниловых проигрывателей — пронесет свой шарм через века технологий и никогда не потеряет актуальности.

Широкий проспект *Корриентес* (*Corrientes*) жители называют «аргентинским Бродвеем»: по вечерам он утопает в огнях кинотеатров,

Метрополь

концертных и оперных залов, а в милонгах (*milongas*) квартала *Альмагро* (*Almagro*) не стихает проникновенное танго. «Милонгами» называют бары, в которых проходят танго-шоу: в Аргентине танго не только танцуют, но и поют. Напоминает французский шансон с примесью латиноамериканского надрыва.

Неотъемлемой частью культуры Буэнос-Айреса являются блошинные рынки, работающие по выходным. Наибольшей известностью пользуется ярмарка в Сан-Тельмо, на площади *Доррего* (*Plaza Dorrego*). Неподалеку, на улице *Дефенса* (*Defensa, 961*), располагается городской рынок Сан-Тельмо: здесь улыбчивые мясники машут с прилавков окровавленными тесаками рядом с продавцами винтажной одежды и постеров с изображением Эвиты. На *площади Франции* (*Plaza Francia*) собирается *Feria de Artesanos*: хенд-мейд-сувениры, изделия из кожи и сосуды для мате. Три городских ярмарки находятся в Палермо: *Feria Palermo Viejo*, *Feria Cortázar* и *Mercado de Pulgas*. Первые две располагаются на площадях *Армения* (*Plaza Armenia*) и *Серрано* (*Plaza Serrano*) и предлагают в основном одежду. На *Pulgas* (пересечение улиц *Alvarez Thomas* и *Dorrego*) можно найти зеркала в редких рамах, викторианские диваны и египетские лампы.

Район *Матадерос* (*Mataderos*) придется по душе любителям ковбойской эстетики: там проходят состязания на лошадях между аргентинскими ковбоями гаучо, играют традиционную музыку *cuarteto*, крепко пьют и залихватски танцуют. У этого фантастического места есть, однако, два минуса: это далеко, и здесь небезопасно, задерживаться в Матадерос до вечера крайне не рекомендуется. Для любителей потолкаться с местными, но в центре и без риска для жизни, существует ярмарка в парке *Сентенарио* (*Centenario*), на пересечении районов *Кабашиито* (*Caballito*) и *Альмагро* (*Almagro*). На *Feria Artesanal de Parque Centenario* одежду не называют с помпой «винтажной» — она просто не первой свежести, зато стоит копейки. Сюда стекаются меломаны, чтобы продать что-нибудь из своего винила. Здесь вам расскажут о трагической судьбе легенды аргентинского рока Густаво Серати, которого хватил удар прямо на сцене во время выступления в Венесуэле. Четыре года Серати пролежал в коме: все это время к нему стекались поклонники со всей Латинской Америки, чтобы порыдать или помолиться у изголовья больничной койки кумира. Смерть музыканта 4 сентября 2014 года стала траге-

Из национализированных университетов Перон убрал всех несогласных, включая Борхеса, которому в качестве компенсации была предложена должность молочного инспектора на рынке

дией национального масштаба, а имя Серати теперь олицетворяет аргентинский рок. Приходят в воскресный Сентенарио и за книгами, но главный книжный развал находится на *площади Италия (Plaza Italia)*.

Парадоксальный Буэнос-Айрес

Не зря Буэнос-Айрес носит титул культурной столицы Южной Америки: Кортасар и Борхес здесь почитаемы не меньше Месси и Марадоны. Книжных магазинов в столице, кажется, больше, чем продуктовых. Один из старейших, *El Ateneo Grand Splendid*, которому в этом году исполняется 100 лет, вписан во все путеводители по Буэнос-Айресу: по размерам и красоте внутреннего убранства он походит скорее на театр. Здание Национальной библиотеки (*Biblioteca Nacional Mariano Moreno*) также идет с пометкой *must see*. Футуристическая громадина в стиле брутализм была построена на месте снесенного дворца, в котором жило семейство Перон, что перестает быть рандомным фактом, если вспомнить некоторые особенности политики аргентинского президента. Многие оппозиционеры-интеллектуалы оказались за решеткой, остальным пришлось эмигрировать. Из национализированных университетов Перон убрал всех несогласных, включая Борхеса, которому в качестве компенсации была предложена должность молочного инспектора на рынке. Поэтому одиозное здание Национальной библиотеки теперь служит символом интеллектуальной независимости страны. Окружает его сквер, созданный по мотивам романа Хулио Кортасара «Игра в классики».

Специфика местного патриотизма заключается в том, что аргентинцы всегда найдут чем гордиться, даже если повода нет и в помине. Ну

За 70 песо вам проанимируют мир Вифлеема и покажут 15-минутное шоу о происхождении всего сущего

а если он есть — тогда пиши пропало. Герой-освободитель Хосе де Сан-Мартин, самый известный в мире революционер Че Гевара, а теперь еще и Франциск — первый в истории папа с американского континента. Если вас привлекает католическая эстетика, посетите развлекательный религиозный парк «*Святая земля (Tierra Santa)*» — это 7 гектаров, засеянных 250 полированными героями из Нового Завета. За 70 песо вам проанимируют мир Вифлеема, покажут 15-минутное световое шоу о происхождении всего сущего, а 18-метровый Иисус выйдет из горы и благословит вас под музыкальный аккомпанемент и спецэффекты.

Трагичный Буэнос-Айрес

История Аргентины состоит не только из танцев веселых эмигрантов на солнечном берегу — в ней полно трагедий, главной из которых считается «грязная война» — государственный террор хунты, длившийся с 1976 по 1983 год. Событиям этих лет посвящен *парк Памяти (Parque de La Memoria)*. Чудовищно открытое пространство, поначалу вызывающее чувство дискомфорта, громоздкие абстрактные конструкции, разбросанные по плоскости парка, шипение коричневых вод реки. Для того чтобы понять, почему с пространством так обо-

Выходцы из соседних стран, вроде Боливии, Перу, Колумбии, Эквадора, если не перенимают образ жизни портеньос, то существуют на теневой стороне Буэнос-Айреса

шлись, понадобится какое-то время, но понять и прочувствовать это необходимо. Тогда смысл начинают обретать и скульптуры, и грязная река. Из 40 тысяч людей, ставших жертвами военного режима, 10 тысяч были уничтожены, а остальные 30 пропали без вести. Длинная серая стена с именами жертв кажется бесконечной: как дойдешь до конца — упруешься в небо. Буквы читаются только под определенным углом, все конструкции парка так или иначе развивают мотив исчезновения-возникновения. Режим будто бы уничтожил эти 40 тысяч аргентинцев, но они существуют, потому что до сих пор жива память о них.

Что такое история Аргентины, если не история ее мигрантов? Портеньос любят рассказывать о своих европейских прадедах, однако о родственных связях с коренными индейцами мапучи, что живут в провинции Хухуй (*Jujuy*), распространяются менее охотно. Все темное, индейское, исконно латиноамериканское воспринимается хоть и терпимо, но без особого энтузиазма. Выходцы из соседних стран, вроде Боливии, Перу, Колумбии, Эквадора, если не перенимают образ жизни портеньос, то существуют на теневой стороне Буэнос-Айреса: они безмолвные призраки, торгующие картошкой, ремонтирующие обувь, подметающие листья ранним утром. Принцип этот распространяется и на аргентинцев из низших слоев общества: они, подобно коту Шредингера, то ли существуют, а то ли нет. В благополучных районах города их можно увидеть только по вечерам, когда благопристойные портеньос ужинают в семейном кругу за плотно задернутыми шторами. Сборщики драгоценного мусора с пометкой *recycle*, которых здесь именуют *cartoñeros*, нередко выходят на охоту всей семьей. Не знаю, возможно ли выработать иммунитет к картине, когда пятилетний малыш с головой ныряет в мусорный контейнер в поисках жестяной банки. Даже осознание того, что за эту грязную работу государство неплохо платит, не делает зрелище менее болезненным.

Параллельно одному из самых богатых кварталов города, который тянется по проспекту Либертадор, пролегают виши (*villas*) — аргентинский аналог бразильских фавел. Невооруженному глазу, то есть представителям среднего класса и туристам, они становятся заметны только в районе *Ретиро* (*Retiro*), где находится главная автобусная станция и самый опасный район Буэнос-Айреса — виша 31. Она по иронии всегда оказывается первым, за что цепляется пытливым глаз путешественника на подъезде к городу. Прогуливаться здесь хорошо, только если вы самоубийца. А вот квартал *Онсе* (*Once*), который был отвоеван у портеньос «нежелательными» мигрантами, на сегодняшний день является одним из наиболее эклектичных и аутентичных мест в городе. Центр столицы бывает небезопасен по ночам, а пребывание на улице *Флорида* (*Florida*) более пяти

минут можно расценивать как кармическое наказание, но, к сожалению, это единственное место, где вам поменяют доллары по хорошему курсу. Буэнос-Айрес и Аргентина в целом гораздо спокойнее в криминальном отношении, чем, скажем, соседняя Бразилия. Орудуют здесь в основном не головорезы, а карманники — в свете этого факта становится понятной параноидальная привычка портеньос носить рюкзаки на животе.

Аргентинская культура чрезвычайно противоречива: здесь за 12 дней могут смениться четыре президента, однополые браки существуют в обществе, строго поделенном на социальные классы, а мультикультурализм соседствует с расизмом. Одни боготворят Эвиту Перон, видя в жене президента поборницу феминизма

и защитницу обездоленных, другие считают ее удачливой содержанкой, которая, не имея никакого актерского таланта, сумела все же блистательно сыграть свою роль, одурачив страну.

Как бы то ни было, аргентинцам действительно есть чем гордиться: бесплатным образованием и медициной, потрясающей архитектурой, пусть и короткой, но захватывающей историей, первым в Латинской Америке метрополитеном и вкусным мороженым. К жизни в Буэнос-Айресе, равно как и к специфическому шипящему акценту портеньос, привыкаешь не сразу, но это проверка на гедонизм: если от сладкой столичной жизни ничего не слипнется — вы в деле. **М**